

ставляется, что все же ближе к истине традиционный взгляд о появлении культуры яёй в Японии как введенного единовременного цельного комплекса, наложившегося на местный субстрат. Впрочем, нельзя считать полностью исключенным, что ему могли предшествовать отдельные внешние влияния на культуры финального дзёмона (в частности, проникновение ткачества и рисосеяния предшествовало проникновению всего комплекса яёй как целого).

Что касается разбора курганной культуры (IV—VI вв. н. э.), уже непосредственно смыкающейся с эпохой начала писаной истории Японии, то здесь как заслугу Честера С. Чарда следует отметить его четкую оппозицию крайне миграционистским, но весьма широко распространенным концепциям, исходящим, прежде всего от Намио Эгами; согласно этим концепциям, курганная культура связана с новой волной миграций центральноазиатского происхождения. На деле в курганной культуре отразилось широкое распространение в то время по всему Дальнему Востоку элементов степной культуры (курганов, соколиной охоты, свистящих стрел и т. д.), никак не связанных с миграциями целых этнических групп.

В заключение своей работы Честер С. Чард подводит итог рассмотрению тенденций развития культуры в Северо-Восточной Азии в эпоху неолита и отчасти палеолита. Это скрещение в палеолите и развитие в неолите многих культурных традиций в Монголии и Сибири; преимущественно западные влияния на мир азиатских степей, через них достигнувшие и Китая; роль Кореи скорее как барьера, нежели моста между материком и Японией, долгое изолированное развитие Японии и вообще удивительно малая доля влияния нарождающегося очага китайской цивилизации на страны, лежащие к северу от него. «Великая Китайская Стена,— образно говорит Честер С. Чард,— кажется, существовала как резкая культурная граница и барьер задолго до того как она была построена» (стр. 208).

С. А. Арутюнов

Nari Rustomji, Enchanted frontier. Sikkim, Bhutan and India's North-Eastern borderlands. Calcutta, 1973, 333 p.

Число специальных публикаций по этнографии горных народов Восточной и Северо-Восточной Индии, а также Бутана относительно невелико. Объяснить это можно природными условиями и теми ограничениями, которые возникают в связи с особо важным стратегическим положением рассматриваемых провинций. Поэтому этнографические сведения, которые содержатся в отрывочных сообщениях прессы и публикациях неэтнографического характера, представляют известную ценность.

Работа Нари Рустомджи, крупного индийского государственного деятеля либерального направления (большая часть службы которого прошла на востоке страны), представляет особый интерес в ряду подобных публикаций. Не случайно его высказывания по этнографии Восточной Индии часто встречаются в работах других авторов¹.

Известно, что до второй мировой войны большая часть Восточной Индии находилась под так называемым косвенным управлением англичан: непосредственная административная власть на местах осуществлялась через традиционные общественные институты, причем сбор налогов и общерегиональные отношения контролировались аппаратом политического представителя, который назначался вице-королем Индии. Только в 1943 г., в связи с проникновением японских войск в район Манипура, английские власти были вынуждены ввести прямую колониальную администрацию в прифронтовых зонах.

Таким образом, к моменту провозглашения независимости Индии во многих восточных провинциях и Северо-Восточном пограничном агентстве (НЕФА) не существовало администрации, которая была бы в состоянии проводить в жизнь соответствующие решения центрального правительства. Более того, политика англичан, не раз применявших силу в отношении местных народов, способствовала подрыву доверия последних к деятельности любой стоящей над ними администрации. Если к этому добавить, что население районов, граничащих с Бирмой и Тибетом, этнически, антропологически и в культурном отношении существенно отличается от остального населения страны, то можно представить задачи и трудности на пути их решения, с которыми столкнулось правительство молодой республики.

Особенно важное значение приобрели задачи национального строительства, укрепления авторитета и власти центрального правительства Индии среди горных племен, обеспечения общей безопасности и безопасности границ, сохранения единства страны. Естественно, что в этих условиях этнография заняла одно из первых мест среди практически необходимых для администратора наук. «Эта наука,— подчеркивает автор,— имеет свои законы не в меньшей мере, чем техника или медицина, и изучение ее требует времени» (стр. 152).

¹ См. S. C. Kakati, *Discovery of Assam*, Calcutta, 1964; V. Elwin, *Philosophy for NEFA*. NEFA Publication, 1957; его же, *The tribal world*, Oxford, 1964.

Нари Рустомджи начал свою службу в восточных и северо-восточных провинциях с изучения местных языков, установления дружеских связей с вождями племен и союзов племен, изучения традиционных форм управления, местного права, обычаев и т. д. Внимание к этим вопросам, по мнению автора, явилось важнейшим фактором, обеспечившим успех его деятельности.

Рустомджи упоминает в своей работе, что проблемы нацменьшинств в восточных районах Индии разрешались с учетом опыта других стран, в том числе Советского Союза. В этом направлении, как указывается в книге, очень много сделал видный государственный деятель Индии Т. Н. Кауль, который впоследствии был послом Индии в СССР.

В книге охватывается период с 1943 по 1962 г. В 17 главах последовательно описываются важнейшие события этого периода (военные действия в Ассаме, брожения среди племен нага и мизо, волнения в Манипуре и НЕФА), которые вызывали озабоченность индийского правительства. Завершается книга рассказом об индийско-китайском конфликте.

Описания людей, природы и событий весьма живы, а перемещения автора по службе позволяют читателям побывать вместе с ним в Сиккиме и Бутане, в Ассаме и НЕФА. Во всех разделах книги содержатся многочисленные материалы, представляющие интерес для этнографов. Это национальный состав и брачные обряды, настенные росписи и архитектура буддийских храмов, песни и танцы, ритуальные жертвоприношения, обычаи, связанные с приемом гостей, и т. д.

Мы встречаем много доказательств внимания автора к этим сюжетам в разных главах книги. Частный пример (стр. 136) позволяет продемонстрировать стремление автора понять человеческие поступки через конкретные действия.

Во время одного из праздников, на которых были приглашены вожди различных племен, их родственники, а также правительственные чиновники, умерла молодая девушка племени иду. Из опасения, что этот трагический случай может послужить причиной волнений, было решено соблюсти все обряды иду, связанные с похоронами. Два дня были абсолютно потеряны. Иду постоянно консультировали чиновников, как лучше освободить дух умершей от воздействия злых сил, какие жертвы следует принести и как затем устроить поминки, танцы и т. п. В советах старейшин иду были значительные разногласия, никто ранее не задумывался о логике обряда, хотя ясна была его направленность. Эта иррациональность обрядовых действий и «рациональность» идеи — защиты от воздействия злых духов — хорошо подмечены и четко выражены автором.

Рустомджи описывает любопытные местные особенности восприятия различных символов. Так, в 1962 г. индийские власти издали плакаты, на которых были изображены индийский флаг и над ним две звезды. В связи с индо-китайским конфликтом эти звезды были истолкованы нага как бомбы, падающие на флаг. Плакаты пришлось снять (стр. 290). Были изданы новые плакаты, на которых изображались дракон, вепрь и другие чудовища; эти плакаты должны были пробудить неприязнь к противнику и поднять боевой дух. Однако местные племена восприняли их как изображение сильного чудовища (способного принимать любой облик), сопротивляться которому бессмысленно. Эти плакаты также пришлось уничтожить (стр. 191, 192).

По мнению Рустомджи, который долгое время был диваном (премьер-министром) Сиккима, национальные проблемы этого княжества во многом определялись тем, что его аборигенное население — тибето-бирманские племена лепча и бхутия — с трудом уживалось с более поздними пришельцами из Восточного Непала и непальцами из Северной Бенгалии. Считается, и этого мнения придерживается автор, что миграция непальцев-индуистов в буддийский Сикким всячески поощрялась английской администрацией. Непальское население Сиккима быстро увеличивалось за счет естественного прироста (при распространенной среди непальцев полигамии число детей в семье достигало 30). Менее чем за 100 лет бхутия², лепча и тибетцы превратились в национальные меньшинства. Около двух третей населения Сиккима в настоящее время непальцы. В отличие от Сиккима в Бутане непальцы составляют меньшинство и расселены в южных, пограничных с Индией районах. Внутренние районы Бутана остаются практически недоступными для иностранцев, в том числе и для индийцев. После второй мировой войны возникла идея создания федерации Гималайских государств в составе Непала, Сиккима и Бутана. Однако договоры этих государств с Индией и Китаем, заключенные в 50-х годах, а также опасения, что непальский элемент станет доминирующим во всем регионе, привели к тому, что идея федерации была отвергнута всеми сторонами.

Рустомджи показывает роль этнических факторов в политической истории этого района. Так, еще в 1930 г. англичане пытались создать постоянные военные посты у наиболее важных перевалов вдоль линии Мак-Магона³, которая была определена в 1914 г. представителями английского, тибетского и китайского правительств. Однако с началом второй мировой войны создание таких постов прекратилось. В начале 50-х го-

² Этнонимы «бхутия», «бхути», «бхоти» разными авторами трактуются по-разному. В индийских источниках термины «бхоти» и «бхутия» нередко означают вообще тибетцев.

³ Линия индо-тибетской границы; названа так по имени английского представителя на переговорах.

дов индийское правительство вернулось к этой проблеме. Как сообщает Рустомджи, районы южнее линии Мак-Магона (Монпа, Села и др.) были незаконно подчинены тибетским властям, которые «по баснословно низким ценам скупили здесь рис и другие продукты» (стр. 126). Население, в основном племена монпа, исповедовало буддизм. Тибетцы считали ряд долин в этом районе местами паломничества (здесь по традиции отмечались дни рождения шестого Далай ламы). Иными словами, граница между Тибетом и Индией, хотя и была отмечена естественными рубежами, в этническом отношении не поддавалась четкому размежеванию.

Интересны этнографические наблюдения автора в районе Алонг. Племена абор в этом районе разбиты на несколько кланов. Алонгские аборы отличаются от других пространенностью полиандрии. При этом родители в некоторых случаях заключают брачные союзы своих детей еще до их рождения. «Никогда не забуду,— пишет Рустомджи,— девочку, которая несла за плечами корзинку со своим маленьким мужем, который опоздал с рождением на десять лет...» (стр. 128).

Описывая интерьер дома интеллигентного нага в городе Мококчунг, автор как бы рассказывает об истории края: «Стены украшены фотографиями родственников, портретами английской королевской семьи. Однако самой дорогой для хозяина является фотография, на которой он изображен рядом с грудой человеческих голов» (стр. 80). Среди старшего поколения нага охота за головами не считалась актом варварства. По традиционным представлениям, жизненная сила общины сохранялась в черепах. Неурожай и другие бедствия свидетельствовали о том, что жизненная сила общины иссякает и требует восполнения. Старейшины в таких случаях решали осуществить набег на соседние деревни, чтобы добыть как можно больше черепов, которые затем хранились как «запасы жизненной силы» (стр. 81). Черепа считались наиболее важным имуществом общины, тщательно охранялись во время войны, а приобретение черепов считалось актом «патриотизма и чести»⁴.

Индийская администрация долго не могла искоренить обычай охоты за головами в районе индо-бирманской границы. В одном из домов автор наблюдал «мирное соседство» фотографий человеческих голов с распятым и цветной репродукцией мадонны с младенцем (стр. 82).

Работа христианских миссий (в основном протестантских) в районах расселения нага привела к тому, что среди нага создалась довольно большая прослойка образованных людей. В то же время сохранились такие традиционные институты, как мужской дом (мерунг).

О роли миссионеров в жизни племен Восточной Индии автор упоминает многократно. Так, посетив округ Мизо, Рустомджи высоко оценил работу больницы и миссии Уэллсских пресвитерианцев. Больница и миссия находятся на расстоянии трех дней пути от ближайшей железнодорожной станции. Когда миссионеры впервые прибыли в этот район, дорог здесь вообще не было, они были сооружены позднее на кооперативных началах крестьянами окрестных деревень. «Не удивительно,— пишет автор,— что работа нескольких поколений людей, преданных своему делу и с пониманием относящихся к нуждам племен, заслужила признание народа» (стр. 99). «Именно такой преданности делу требует работа государственных служащих, только так можно заслужить доверие населения»,— подчеркивает он. Здесь автор заметно идеализирует деятельность миссионеров. Возможно, его подкупает известная деловитость и преданность миссионеров своему делу, что не всегда характерно для чиновников. Однако нелишне отметить, что некоторые из этих «преданных делу людей» были высланы индийским правительством из страны за подрывные действия.

Важными и весьма интересными представляются описания исторически сложившихся отношений между буддистскими народами Сиккима и Бутана, непальскими индустрами, христианами и анимистами нага.

Многое изменилось в административном устройстве восточных районов страны с момента публикации книги в 1973 г., а тем более по сравнению с периодом, который в ней освещен. На карте появились новые названия: бывшие горные районы Ассама — Кхаси, Джаинтия и Гаро — ныне выделены в особый штат Махалая («Убежище облаков»); НЕФА переименовано в штат Аруначал Прадеш, округ Мизо объявлен союзной территорией Мизорам, бывшие союзные территории Манипур и Трипура получили статус штатов Индийского Союза. Бывшее княжество Сикким вошло в состав Индии. Королевство Бутан принято в ООН.

Надо полагать, что эти перемены вызваны к жизни потребностями прогрессивного развития Индии и населяющих ее народов. Эти перемены соответствуют той реальной обстановке, которая сложилась в регионе.

К сожалению, книга Рустомджи не всегда дает всестороннее представление о тех процессах, которые автор наблюдал и на которые имел возможность воздействовать. Нередко повествование сводится к изложению мыслей, которые у него возникали по тому или иному поводу, причем сам повод часто затушевывается и отходит на задний план.

⁴ Рустомджи указывает в книге лишь на одну из главных причин бытования обычая «охоты за головами». Подробнее об этом см.: Г. Г. Стратанович, Добуддийские верования Западного и Центрального Индокитая, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 36, М., 1962; Г. Неверман, Сыны Дехевая, М., 1968.

Благодаря большому опыту работы среди племен Восточной Индии, знакомству с литературой у Рустомджи сложилось собственное мнение о проблеме развития отсталых народов. Он считает, что важнейшим элементом деятельности, направленной на изменение условий жизни отсталых племен, является забота о сохранении ценностей прошлого, придании им звучания, соответствующего происходящим переменам.

Рустомджи осуждает рассуждения о «необходимости цивилизовать», «поднять уровень» и т. д. «Нельзя навязывать унифицированные представления и бюрократические навыки там, где чувство справедливости развито более, чем его можно навязывать законами». «Горцы говорят без опасений, мыслят свободно, нельзя навязывать им какие-либо „современные“ и „передовые“ идеи, которые совершенно не соответствуют условиям их жизни и ходу мыслей. Горцы более прямолинейны и свободны от печальных комплексов, навязанных населению городов искусственной, неестественной жизнью» (стр. 137).

Некоторые из выводов Рустомджи кажутся умозрительными, примером чему могут служить приведенные выше цитаты. В общем-то кажется парадоксальным, что человек, деятельность которого была сугубо практической, в некотором отношении выглядит теоретиком-идеалистом, а не практиком, хотя очевидно, что действия администратора не всегда совпадали с идеями, которые можно утверждать, исповедовать, но очень трудно применять.

Рустомджи скорее воспринял одну из теоретических концепций буржуазной этнологии, чем создал свою собственную, что характерно для правительственных чиновников, и поэтому его рассуждения вообще нельзя признать сильной стороной работы. Однако можно быть благодарным автору за предпринятый им труд, который вводит в научный оборот обширный материал по этнографии народов Восточной Индии.

С. И. Королев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James W. Van Stone. Athapaskan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests. Chicago, 1974, 145 p.

Рецензируемая работа «Адаптация атапасков: охотники и рыболовы субарктических лесов» — вторая книга Дж. Ван Стоуна, посвященная атапаскам. Первая вышла почти десятилетие назад. В ней анализировались изменения в хозяйстве, материальной и духовной культуре, а также социальной организации одной из групп атапасков — чайпевайев селения Сноудрифт на берегу Большого Невольничьего озера, — в результате европейского влияния¹.

Задачи рецензируемой монографии шире. По мысли ее автора, она должна быть введением в изучение этнографии северных атапасков, в котором характеризуются наиболее общие черты их культуры, оцениваются разные формы приспособления к различным физико-географическим районам Американской Субарктики. В книге Дж. Ван Стоуна делается упор на вопросы экологии, что вполне понятно, если учесть, что она была опубликована в издаваемой В. Гольдшмидтом серии «Миры человека: исследования культурной экологии». Надо, правда, сразу же отметить, что работе Дж. Ван Стоуна не свойствен жесткий и однозначный экологический детерминизм, который ощущается в некоторых других книгах той же серии, особенно в монографии Б. Меггерс «Амазония: человек и культура в поддельном раю»². Напротив, в рецензируемом исследовании подчеркиваются творческие возможности северных атапасков, обеспечивающие многообразие форм приспособления к среде обитания.

Большое внимание автор уделяет и приспособлению северных атапасков к изменениям, вызванным европейской колонизацией и развитием меховой торговли.

Рецензируемая книга состоит из введения, 8 глав, приложения и библиографии. Основному тексту предпосланы два предисловия, первое — от редактора серии В. Гольдшмидта и второе, совсем краткое — от Дж. Ван Стоуна.

В обоих предисловиях подчеркнуто, что северные атапаски меньше известны европейцам, чем, например, эскимосы или индейцы прерий, поскольку их культура не поражала янки в такой же степени, как изоцированная технология арктических охотников на морского зверя или воинственность конных охотников на бизона. Культуру атапасков отличала исключительная гибкость в использовании ресурсов многообразной по

¹ James W. Van Stone, The changing culture of the Snowdrift Chipewyan, «National Museum of Canada», Bul. 209, Ottawa, 1965. Рецензию Ю. П. Аверкиевой на эту книгу см.: «Сов. этнография», 1967, № 2.

² B. Meggers, Man and culture in a counterfeit paradise, Chicago, 1971.